

Доклад 33.**Лес, поле, небо в народной сказке и былине, значение этих понятий для понимания русской идеи и России****Александр Павлович Фурсов**

Религиозный философ, поэт, член Союза писателей России, главный редактор журналов «Духовно-нравственное воспитание», «Русская словесность», «Воспитание школьников».

Любили ли вы в детстве читать сказки и былины? Думаю, нет такого человека, который ответил бы на этот вопрос отрицательно. Но мало кто обращается к этим загадочным воспарениям народного духа в зрелые годы. Я советую взрослым читать сказки. Думать над ними так, как размышлял над ними русский философ Евгений Николаевич Трубецкой. В результате своих размышлений он написал работу, по сей день не имеющую аналогов, «Иное царство и его искатели в русской народной сказке». Это воспитывающая книга, учебник по воспитанию личности. Советую педагогам обратиться к нему. А сегодня мне бы хотелось рассказать о своем понимании народной сказки и былины.

Россия в сказке и былине в Софии. Россия в сказке и былине познается изнутри. При помощи сказки и былины оказывается познанным то, что может быть познано только при помощи любви. Россия может быть познана в том числе с помощью монументальных фольклорных памятников, созвучных с творением духа, китайского философа Чжуан Цзы, Лао Цзы, немецкого мистика Беме, духовного писателя мира Антуана де Сент-Экзюпери.

Пролог или призывание. Эпиграф.

«Позвала кошка мышку. Мышка за кошку. Кошка за Жучку. Жучка за внучку. Внучка за бабу. Баба за дедку. Дедка за репку. Тянут-потянут, и вытянули репку» («Репка», русская сказка).

«Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним» (Андрей Платонов).

«Сел Монокто в шалаш. К костру руки протянул. Отогреть стал, чтобы за острогу взяться. Зашевелилась тут острога. Стыдно стало

ей, что товарищи ее работают, а она без дела лежит. Поднялась, черенком лодку в воду столкнула. Поплыла лодка по реке. Огниво в лодку вскочило, стало огонь высекать. Рыба на огонь идет. Острога за работу взялась. Как ударит в воду – так тайменя, осетра или амура тащит!» (Нагишкин Дмитрий Дмитриевич, «Бедняк Монокто»).

Обыкновенный человек живет глобально, его взор обращен к внешним, видимым вещам. Чем видимей и заметней вещь, тем большей силой и властью над разумением обыкновенного человека она обладает. Обыкновенный человек ищет благ для себя в большом, у большого. Но некогда одаривший вниманием начальник перестает благоволить к нему, и он теряет свое мнимое счастье. Долго ожидаемый праздник становится длинным похмельем...

«Паровоз с воем пробивался вперед, в смутный, душный мрак – в щель света, создаваемую лобовым прожектором. Скорость упала до шестидесяти километров; мы работали и смотрели вперед, как в сневидении. Вдруг крупная капля ударила по ветровому стеклу – и сразу высохла, испитая жарким ветром» (Андрей Платонов).

«Обращение вовнутрь, схождение к малому, призывание себя к малому или призывание малого в себе суть стягивание, отзывание света из разных мест в одно» (Мейстер Экхарт).

«Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусекам помела, и наскребла муки горсти две» («Колобок», русская сказка).

Образование стяга, сравните понятие стяга и флага, концентрации главного государственного атрибута, всего духовно лучшего в нации, подобно образованию светового колобка в прихожей, перед выходом человека из дома, преобразению в реальности «до» в реальность «за» – «додверной», «задверной».

Обыкновенно перед тем, как покинуть дом, человек гасит свет поочередно в одной комнате, в другой, и весь домашний свет как бы стягивается, концентрируется в прихожей, то есть в пространстве выхода, в выходном пространстве. В доме же прихожая – малое пространство, во всяком случае, по сравнению с комнатами, как родственными пространствами. Замечу еще, что свет в прихожей, как в выходном пространстве, то есть выходной свет, обычно не очень яркий, не стремящийся к роли абсолютного предмета в прихожей. Его роль – не четко обозначать предметы, но мягко их очерчивать. Как видим, признаками стягиваемого стянутого света являются его мягкость, приглушенность, незаметность. Такое понятие, как «выходной», состыкуется с днем воскресенья, поэтому выходное пространство, выходной свет в полной мере можно называть воскресным, воскрешающим светом. Вытекающая отсюда

символика великого православного праздника Пасхи, как праздника выходного, воскресного, воскрешающего, то есть совершающего здесь в схожем, малом пространстве и при прихожем малом свете, заключается как раз в его и великости, то есть в невозможности отмечать его пышно, ярко, пространственно. Великость того праздника – в обратной его перспективе, во внутренней всенародной, соборной настроенности на него, когда храмом становится вся Святая Русь, но храмом невидимым, пространственных и временных координат, когда человеческая душа становится как храм, а храм, подготовивший душу к праздничному блистанию, бледнеет перед нею... Слово «Пасха» восходит к еврейскому «песах» и буквально значит «переход», перемена места. Понятие «прихожая» в доме, как переходное, переменное проходное пространство, полностью ему соответствует. Пышность, яркость, пространственность, расстоянность, транслируемость, глобальность вообще не сочетаемы с православием, как религией, которая являет собой «Преображение Воскресения», то есть приходного пространства и приходного света. Как видите, сугубо прикладное понятие «приход», как самое малое из церковных пространств (митрополия, епархия, приход), обретает иной, духовный смысл. В этом обретении – и ответ на вопрос о том, почему обычно в домах Запада отсутствует прихожая, дверь открывается непосредственно в комнаты. Приход, прихожая в метафизическом смысле есть пространство, переходящее вне пространства, пространство Преображения Воскресения. Есть Божий стяг, есть Бог. Волшебные существа в сказках – те, которые играют решающую, преобразующую, воскрешающую роль, как мышка в «Репке», кот в «Коте в сапогах», нож, огниво, острога в «Бедняке Монокто» и т. п. – суть наше приходное пространство, как самое малое в нас, последнее, конечное, предельное в нас, а это и есть дух. Дух преобразует нас, воскрешает нас, когда все ресурсы тела исчерпаны.

«Я крепко немощствую, и иногда унываю, но по опыту дознала, что когда немощь дойдет в душе до крайних пределов, так что никакого упования не останется ни на какое делание, ни на какой разум, то в эту минуту, только в эту минуту и чувствуется, духовно ощущается, особенная помощь Божия или, скорее, познание Его, и сила Его действий в душе. Я не заимствую силу нигде, боясь оживить свою самость, боясь этого яда, разлитого даже в каждом добре человеческом, и потому иногда изнемогаю под своею живою немощью. Но она-то ходатайствует мне ту живую Силу, которую единственно вожделевает душа моя. При таком состоянии большой страх объемлет душу, погибель в ней и во всем окружающем, а спасение в Той Воле, которую она смеет постигать или

насиловать своею просьбою. Страх наполняет ее до глубины» (Преподобная Арсения Себрякова, игуменья Усть-Медведицкая, Из писем к Петру Александровичу Брянчанинову*).

«Шурома тяжело вздохнула. Всевышний особенно милостив к тем, кто уже не ждет помощи ни от кого на земле, – я твердо верю в это». (Рабиндранат Тагор, «Берег Бибхи»).

Например, в «Репке» все существа от дедки до кошки суть тело, а мышка – дух. Всякий тупик есть только тупик плоти (Мартин Бубер), но ей на помощь приходит дух. Иванушка-дурачок в русских сказках – это плоть в предельном состоянии, преддуховном. В великом тупике, в великом пределе – семя выхода, Преображения, Воскресения. Дух есть самое малое в теле, как прихожая – самое малое в доме, поэтому духу, как к самому малому, и не обращаются. В самом деле, разве попавший в беду обращается к нищему или больному? Он идет к богатому и здоровому. Разве спрашивают совета у бессловесных животных, деревьев, вещей? Разве советуются с детьми? Плохо тебе? В тупике ты? Обратись к внешней доброй силе – к человеку, который живет добро, незаметно, бесшумно, к внутреннему, самому малому в себе, скрытому в себе, что и есть собственно дух.

«Там в избе деревянной, Без претензий и льгот, Так, без газа, без ванной, Добрый Филя живет. Филя любит скотину, Ест любую еду, Филя ходит в долину, Филя дует в дуду! Мир такой справедливый, Даже нечего крыть... – Филя, что молчаливый? – А о чем говорить?» (Николай Рубцов).

Развитие тела человечества есть только подход к развитию Царства духа. Проекция сказочной репки в реальном мире, то есть герой «мышки» – лишь локомотив. А роли персонажей – цепочки, где герои от «кошки» играют вагоны. И так, вагоны – плоть, а локомотив – дух. Можно ехать в вагоне и думать, что вагон и есть локомотив. Большинство так и делают. Локомотив – «малое» в поезде по отношению к составу, вагонам как сумме. Но именно благодаря локомотиву поезд оживает, преобразуется, воскресает в своем мощном направленном движении к цели. Те в вагоне, которые соотносятся с локомотивом, живут в молитвенном почтении к нему, живут верно. Это о подобных молитвенниках пишет Платонов: *«Где вы, старинные механики, помощники, кочегары, обтирщики? Бывало, близ паровоза люди трепетали, а теперь каждый думает, что он умней машины!»*

Молитва духовных механиков, помощников, кочегаров, обтирщиков есть обращение к ведущему, славословие силы ведущего, есть упование на эту силу.

«Я, бывало, когда что чуть стукнет лишнее в паровозе на ходу, что-нибудь только запоет в ведущем механизме – так я концом ногтя, не сходя с места чувствую, дрожу весь от страдания, на первой же остановке губами дефект найду, вылижу, высосу, кровью смажу, а втемную не поеду...» (Андрей Платонов).

Герои Платонова – символы соотнесенности ведомого и ведущего, плоти и духа. Соотнесенность есть дрожь от страдания. Смазка кровью. Постоянная направленность от себя ведомого к себе ведущему. Ведущий механизм всегда должен быть в идеальном состоянии. Соотнесенность ведомого с ведущим, обретение обращенности, дара молитвы, молитвенного горения. Наш локомотив.

«Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, тот и невольно помолится всем умом своим, следственно, источник молитвы у всякого есть. Но отверзается он либо постепенным углублением в себя, в поучения Отцов, или мгновенно, Божиим сверлом» (Леонид, старец Оптинский).

Усилия все увеличивающейся связки «дед – кошка» – это усилия все увеличивающейся плоти. Слова типа «раз-два – взяли!» – это еще не молитва. Молитва неплотна, несловесна. Это нечто вздохное, дыханное, сходное с санскритским понятием «прана». Это молитвенное состояние возникает с призыванием мышкы. Горящая топка паровоза – символ молитвенного горения, символ силы. Сила в локомотиве, а не в вагоне. Вагон – это удобство для отдыха, сна, приема пищи, а силы в нем нет. Тело – удобство. Оно отождествляется с силой. Материя – удобство. Она отождествляется с силой. Питанием, поощрением материи как таковой является технократическая цивилизация, наращивание силы тела, например мышц – суть превращение общего вагона в вагон класса «люкс» со всеми удобствами. Сила состава только в локомотиве. Сила тела только в духе. Техника, материя – это болезнь духа, обессиливание духа, но есть моменты, когда удобство вагона мгновенно сходит на «нет». Когда же в вагоне становится неудобно? Когда он остановился. Когда телу неудобно? Когда оно становится не помощником, а препятствием, ограничивает тебя даже в малом. Пассажиры, сидящий в неподвижном вагоне, понимает, что у него осталась единственная возможность продолжать путь – взывать к ведущему локомотиву. Вагон недвижимый – препятствие движению, но вагон, влекомый локомотивом, – помощник движению. Стоящий вагон – болезнь, немощь, нищета. Но в препятствии к движению, стоянии – зародыш будущего духовного движения, горения, ибо из муки стояния вагона рождается мольба к локомотиву движения. В движущемся вагоне ни у

кого не возникнет даже мысли об обращении к локомотиву, тем более о молитвенном призыве к нему. Всякая остановка, задержка – не движение, а потенциально молитвенное обращение. Остановка порождает силу для движения. Остановка – незримое прикосновение к ведущему, к огню, к силе, мощи. Благословите остановившегося, задумавшегося. Он рядом с Богом. Остановочное, неподвижное состояние мы видим у Емели в сказке «По щучьему велению». Емеля на печи неподвижен до такой степени, что печь под Емелей становится подвижной. Емелино стояние – не пресловутая русская лень, а символическое изображение, молитвенное горение наивысшей степени. Ищите Царствия Божьего – все остальное приложится Вам (Матфея, 6:33). Ведро пойдут, печь поедет, все задвигается в направлении тебя неподвижного.

«То, что Бог недвижим, делает все вещи бегущими» (Мейстер Экхарт).

«Тут они и распрощались. Старичок своей дорогой пошел, а дурень на летучий корабль сел, паруса расправил. Надулись паруса, взмыл корабль в небо, полетел быстрее сокола. Летит чуть пониже облаков ходячих, чуть повыше лесов стоячих...» («Летучий корабль», русская сказка).

«Ездил Илья по чистому полю, защищал Русь от врагов с молодых лет до старости» (русская былина).

«Ведь что же есть эта Спорительница хлебов, как не видение Богоматери в образе, в канонической форме Матери хлебов – Деметры?» (Павел Флоренский).

Россия в метафизическом смысле – прихожая мира, воскресное, преображающее, воскрешающее пространство. Собранное – собор. Стянутое – стяг. Отозванное, созданное – зов. Суженая, суженый, суженое мира.

«Когда человеку надлежит совершить внутреннее дело, он должен стянуть все силы в одну точку души своей и сокрыться от всех образов, и тогда он может там действовать» (Мейстер Экхарт).

Сужение всегда ведет к обретению метаскорости. Как у Пушкина – князь Гвидон преодолевает океан через обращение в комара, в муху, в шмеля. Что же есть обращение? Сведение себя в малое и к малому («евангельский узкий путь»).

Как раз подобное сведение позволяет тебе обрести метаскорость и, уже как дополнение к ней, метапространство. В сужении дома до прихожей как раз и скрыто обретение истинного, абсолютного дома. Россия всегда сужена в себе, направлена в себя, всегда стремится к созванности к себе. В ее комнатах нет света. Весь свет сосредоточен, сведен к прихожей. Вот в чем причина вечной необустроенности Рос-

сии, вечной нестабильности. Русский человек редко живет в комнатах. Его жизнь проходит или на кухне, пространстве, близком приходному пространству, или в самом приходном пространстве. Русский человек всегда в пути или всегда готов к пути. Он всегда недостроен, незавершен. Он стремится к созданию суверенного, закрытого пространства, к выходу из себя к этой «я-замкнутости», которая только усугубляется, уплотняется домовитостью, преодоление обустроенности как завершенности, а значит, довольства, сытости, которые преодолеваются как раз в приходном пространстве. Сведение себя к приходному пространству, сужение себя есть обретение полноты, свадьбы. Суженый плюс суженая высшего времени (слово «свадьба» в переводе с немецкого звучит как хофф-сайт) и высшего пространства. Россия сужена, сведена до внутренней точки в себе. Вот в чем причина ее как материальной, так и духовной неохватности и необозримости. Суженность России есть ее свадебность, есть тончайший, чистейший покров ее свадебного одеяния, ее фата. Россия сегодня – всегда в предчувствии к завтра, ибо что такое сужение, как не превращение в точку? Такое же превращение в точку – сон. После него новый день, новое завтра. Сведение к точке есть сверка, проверка точности хода, точности жизни.

Сужение есть вера в божественный промысел, проверка на веру, божественный тест на веру, стремление нации к суверенности. На самом деле есть стремление к сверенности, к сверке, к уточнению хода собственных национальных часов с национальными часами. Суверенность как сверенность в корне отличается от суверенности как замкнутости, ибо как ты можешь сверить свое время, если ты горд в нем и спросить, сколько на часах у другого считаешь ниже своего достоинства? Как же достать это приходное пространство в себе? Как, падая, очутиться наверху (колодец в русских сказках)? Как обрести глубину высоты, ибо приходное пространство, приходя и есть не что иное, как духовное небо? Для этого нужно разобраться в метафизике трех очень близких русскому человеку понятий. Леса, поля и неба. Большой пожар виден издалека. Благодаря тому, что он виден, его легче потушить. Огонь тлеющий мало кому виден, но он незримо превращает сердцевину в пепел. Легче бороться с чем-то видимым. Почти невозможно со злом, видимо себя не проявляющим. Пусть зло проявит, выявит себя. Пока зло в шапке-невидимке, оно непобедимо. Сбрось шапку-невидимку со зла, и оно теряет силу. Страшен спрятавшийся, затаившийся зверь, готовящийся к прыжку. Гораздо менее опасен хищник, видимо являющий себя. Болезнь, показавшая себя, выявившая себя – менее опасна, чем болезнь, затаившаяся, готовящаяся к прыжку в засаде. Внутреннее зло

сильно, а вышедшее наружу – не имеет силы против того, на кого направлено, и сильно против хранителя этого зла. Не случайно сказано: чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его, чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, нужно прежде дать ему расцвести (Лао Цзы). Пока корень зла скрыт, оно сильно, но если оно познано, оно распускается, и если оно раскрылось, оно погибло (Евангелие от Филиппа). Надо дать достигнуть предела тому, с чем ты борешься. Как с ним бороться, если оно не видно. Вот почему богатыри в русских сказках и былинах говорили, вызывая врага на бой: выходи в чистое поле. Дождись врага в чистом поле – так звучат по-русски эти древнекитайские и евангельские мысли. Дождись во всеготовности, всеоружии, всевнимании, и Победа за тобой! Конечно, это опасно ждать врага в чистом поле, но это единственный способ одержать над ним победу. Но что есть поле? Поле – это открытое просматривающееся пространство, очищенное от всего, что мешало бы видеть, заслоняло бы обзор. Внутренняя очищенность, чистота – создают поле, ту самую соборность, стянутость, состоянность, суженность. Русский былинный богатырь, вглядывающийся из-за руки вдаль, – и есть человек, осматривающий свое внутреннее пространство. Есть в тебе это поле, видишь ты его, знаешь – с любой опасностью сможешь справиться, ибо в чистом поле она явно видима.

Поле – вообще чисто русское понятие. У нас необозримые поля, пространства. Русскому более понятна сущность поля, потому что Россия – это и лесной край, которому известно, как рождается поле, чистое пространство. Чтобы создать, сделать поле, нужно провести огромную работу по рубке и корчевке леса. В русской метафизике богатырь неотделим от поля. Богатырь – в поле богатырь. Понятие богатырства связано только с полем, с открытым пространством. «Куликово поле», «Бородинское поле», поле под Прохоровкой. Богатырство включает в себя создание поля и победу в поле. Русское же духовное поле создается в молитвенном служении. Русский богатырь – не богатырь леса. В лесу он совершает другой подвиг – готовится к богатырству. Подвиг зарождается в лесу, а осуществляется в поле, которое образуется в результате рубки-корчевки леса, т.е. очищения пространства. Например, в сказке «Летучий корабль» дурень рубит деревья для постройки корабля, очищает пространство. Воевало, Холодило – тоже собирает, очищает – один хворост, другой соломю.

«Летели-летели, глядь: идет старик, несет куль соломы. – Здорово, дедушка, седая головушка! Куда это ты солому несешь? – В село. – А разве в селе мало соломы? Соломы много, а такой нету. – Какая же она у

тебя? – А вот какая: стоит мне разбросать ее в жаркое лето – и станет враз холодно: снег выпадет, мороз затрещит».

Итак, исток богатства – в создании чистого пространства поля. Символично, что на Оптинской иконе Богоматерь изображена над полем, то есть она простирает свой покров над чистым, открытым, истинным в человеческом смысле. Будь чист, открыт, искренен, и роса благодати небесной будет с тобой! Поле надо осматривать лучше с возвышения, с высоты. Осмотр предполагает высоту. Чтобы осмотреть созданное внутри поле, ты должен быть высок. Только ты возвышенный способен осмотреть. Недаром богатыри на конях. Недаром дурень, темный, лесной человек, – на летучем корабле. Недаром каждый из его друзей обладает необыкновенной надспособностью. Слухало весь мир слышит. Стреляло весь мир прозревает. Опивало все выпьет и не напется. Обьедало все ест и не наестся.

«Скорород отказываться не стал, взобрался на корабль, и полетели они дальше. Много ли, мало ли пролетели, глядь – стоит человек с ружьем, целится. А во что целится – неизвестно. – Здорово, дядюшка! В кого это ты целишься – ни зверя, ни птицы кругом не видно.

– Экие вы! Да я и не стану близко стрелять. Целюсь я в тетерку, что сидит на дереве верст за тысячу отсюда. Вот такая стрельба по мне. – Садись с нами, полетим вместе!»

Черты, ведущие к богатству, – умение очищаться, возвышаться, но, видимо, само очищение тоже возвышает. У героя очищающего и очищающегося появляется либо волшебный друг, либо волшебный предмет, который возвышает его, дает ему возможность, способность осматривать поле. Друг или предмет возвышают героя, делают его уже не просто человеком, но человеком Храма. Лес, поле, небо – вот такая создается троичность. Богатырь есть троичность, есть Троица. Я чист, я высок, поэтому я вижу. Таков духовный закон. Нечистый низок и видеть не может. Поле предполагает высоту. Летное поле предполагает высоту лайнера. А что может быть выше хлебного поля? Не зря говорят в народе: «Хлеб – всему голова!» То есть выше хлеба нет ничего. Вершина хлебного поля – его будущий хлеб.

Метафизика высоты выражена в сочетании «поле – жаворонок». Жаворонок здесь – евангельский голубь. Чистое поле – чистые крещенские воды Иордана. Пшеница – крестящийся Христос, хлеб мира. Что есть лес? То, из чего строят, творят, созидают Летучий корабль-духолет. Земной мир и есть этот лес, где все служит этому строительству, творчеству. Ты из леса земного и строишь духолет, и одновременно готовишь, освобождаешь, очищаешь пространство, поле для взлета. Сам мир, лес – есть

грандиозное Божие творчество, строительство мира – духолета, и одновременно, освобождение, очищение пространства поля для его взлета, «и увидел я новое небо и новую землю». Что еще есть лес? Нечистая. Какая только нечистая сила по русскому фольклору там не живет! И Баба-Яга, и леший, и Кикимора – словом, нечисть всякая. Поле по отношению к лесу есть чистота. Нечистая прячется, света Божьего боится. Русский богатырь идет через лес к полю и в небо. Богатырь, стоящий на земле, на поле – уже над полем, и потому уже не только земной, но и небесный. Поле – чистота. Небо – высота, которая тоже чистота, но другой природы, небесной. Метачистота. Формула духовного богатства теперь может быть выражена следующим образом: нечисть – лес; чистота земная – поле; чистота небесная – небо. В поле начинается понятие «над». Чем чище поле, тем выше его «над». Иерархия духовная здесь такова: лесной, полевой, небесный. Цветы лесные, цветы полевые, цветы небесные. Церкви, русские монастыри, как правило, росли из леса, росли в лесу. Монахи рубили лес, очищали пространство, поле, и из него строили духолеты, часовни, церкви, то есть сажали цветы небесные. После XVII века во многом подготовители поля – старообрядцы. Пожалуй, никто, как они, не боролся за создание на месте леса поля, и на поле – церкви. Лес своими вершинами готовит поле, теряя их. Лес не напрямую связан с небом, но через поле. Между лесом и небом есть поле. Лес готовит поле, теряет свои вершины, поле готовит небо, теряя хлеб. Всякая высота – от потери, жертвы. Страдания (страда) – это всегда задержка деятельности какой-либо силы. Она не находит исхода, скопляется и преобразуется в иную, высшую силу и деятельность. Всякая новая высшая форма жизни предполагает жертву низшей (Мейстер Экхарт). Лес, отдав себя, стал полем. Поле, отдав себя, стало небом. А небо стало и полем, и лесом – всем. Так осуществляется царство Божие. «Лес – поле – небо» или «тварь – София – Бог». Пропасть между Богом, небом и тварью, лесом – русская философия и поэзия заполняли тончайшим понятием Софии (Татьяна Горичева). Тварь – то, из чего можно строить, творить. Лес – это тварное, то, из чего строится, творится. Тварь собирает в себя духоносные сущности и тем самым создает поле – Софию, сущность чистую, женственную и рождающую. Лес – это тварь, и в самом деле кого мы называем тварью, тварьюю (укр.)? Животное, зверя. Лес – животное существование, животное в человеке. Преображая тварное в себе, человек окрыляет себя, очищает и делает способным рождать, приносить духовные плоды. Так что духовная формула «лес – поле – небо» вполне согласна с духовной формулой Владимира Соловьева и Павла Флоренского «тварь –

София – Бог». Как соответствует поле и София? Поле – чистота, и София – чистота. Если ты создал поле, то в тебе уже София. Создавший поле софиен. Илья Муромец на коне софиен, русские богатыри несут в себе софийное, женственное, сопричастное женственному, сопряжены с женственным. Недаром, в русской былине мужа своего Ставра из княжеского полона спасает Василиса Микулишна, переодетая мужчиной. Где Ставр не силен, сильна Василиса. И мужественность без женственности – это полсилы. Рубящий лес – богатырь мужественности, но создавший поле – богатырь женственности.

«Зашел посол в белый шатер, Ставра у порога оставил. Быстрой рукой сбросила Василиса татарское платье, надела женские одежды, приукрасилась и вышла из шатра. Здравствуй, Ставр Годинович. Теперь ты тоже не узнаешь меня? Поклонился ей Ставр: Здравствуй, моя любимая жена Василиса Микулишна! Спасибо, что ты меня из полона спасла. Только где же твои косы русые? Косами русыми, любимый муж, я тебя из гребца вытащила» («Про Василису Микулишну», русская былина).

София – определение истинной духовной силы человека. Истинная сила софийна. Былина о Василисе Микулишне софийна. Ставр Годинович и Василиса Микулишна равно София. Сказка «Летучий корабль» софийна. «Летучий корабль» – символ женственности, которая легка, воздушна, бесшумна, покорна. Корабль покорен воле ветра. Возвышающая – сколько пассажиров берет на свой борт «Летучий корабль», прибавляет к их мужественности софиинность, женственное. Поле софиино, женственно. Пшеница – золотистая. Небо – бирюзовое. Поле – чисто, мягко, податливо под порывами ветра, необозримо, ласково, молитвенно, прекрасно своим набухающим, созревающим бременем, хлебом. В нем есть тихая нежность, его колосья в поклоне, смирении. Поле молчаливо, только шелест колосьев – его разговор. Поле православно (Вячеслав Улитин), поле софиино.

В постройке Летучего корабля – главное не ум, не профессиональное мастерство строителя корабля, а что-то другое. Что же? Софийные качества. Не мне знать каждый гвоздь корабля. Мой долг – разбудить в людях стремление к морю (Антуан де Сент-Экзюпери). Герой Летучего корабля – Иванушка-дурачок мягок, отзывчив, способен на жертву. Он делится со стариком черствой краюхой, да еще и интересуется: мне-то сухарь привычен, а тебе, дедушка, придется ли по вкусу? Он, жертвуя последним, расставаясь с последней краюхой черствого хлеба, прощается с лесной и земной тяжестью и приподымается над лесом. Его дух обрел софиинность. Его лес стал полем, когда черная черствая краюха стала свежим караваем. Дурень подал ему краюху. Старик взял ее в ру-

ки, осмотрел, пощупал и говорит: «Не такая уж черствая твоя краюха». И подал ее дурню. Взял дурень краюху и глазам своим не верит! Превратилась краюха в мягкий и белый каравай. Софийный дух, а не разум окрылил корабль, Софиинность одухотворяет, окрыляет все вещи. Свежий хлеб, только испеченный, не софиен. Он уже черствеет, осуществляется прямая перспектива «поле – лес». Черствая краюха, превращенная в черствый каравай, вернее, белый каравай, преобразенный в черной краюхе, софиен, осуществляется обратная перспектива «лес – поле». Обратная перспектива всегда софийна, всегда София. У молодого – черствый хлеб. У старика – свежий. Обратная перспектива четко прослеживается в этом эпизоде. Сказать, что Иванушка-дурачок молодой встретился с собой стариком. Это софиинная встреча. Софиинная икона изображает преобразенное, софиинное. На иконе «Спорительница хлебов» в прямой перспективе лес не виден, но в обратной он есть. В поле, как бывший лес. Лес, который был. Софиинная икона всегда в обратной перспективе, и на ней изображено не только изображенное, но и неизображенное. Софиинная икона через неизображенное связана с лесным, тварным миром. То есть софиинная икона – более народная, более земная, не отрицающая земной мир, но служащая его преобразению, софиинности. Сказочный эпизод встречи Иванушки-дурачка и старика – не только сказочный, но иконный, софиинный. В этом эпизоде как бы скрыта Оптинская икона «Спорительница хлебов». Старик – в данном случае символ женственности, софиинности. Может быть, это сам Амвросий Оптинский, вдохновитель создания иконы. В русской волшебной сказке, видимо, два главных смысла: сказочный, лесной, тварный, но и иконный, полевой, чистый. Два основных сюжета. Сказочный: Иван-дурак, черствый хлеб, простая вода. И иконный: старик-волшебник, белый каравай, вино.

Ищи в сказке икону, и перед тобой откроется восхитительный духовный мир. Лес сказочный, а поле иконно. Спорительница хлебов – икона приходного, выходного, воскрешающего, софиинного поля-пространства. Друзья Ивана-дурака в сказке: Скороход, Стреляло, Опивало, Обьедало, Слухало, Холодило – существа собирающие, очищающие, принадлежащие полю. Иван собирает на корабль уникальных существ. Наша духовная формула есть чистота, красота, небо, поле, лес, тварь, София, Бог, может быть теперь записана как «сказка», «икона», «Божий мир». На наших глазах рождается, выявляется новая икона. Сказочный сюжет, команда Летучего корабля преобразается в иконный сюжет, собор Святителей хлебов. Команда Летучего корабля – это урожай софиинного поля. Хлебы вечно свежие. Поле на этой иконе – в

вечной потенции, полностью сжатое, в снопах. Каждый сноп внизу – предел верхнего небесного Собора. На иконе «Спорительница хлебов» только часть поля в снопах. Этот сюжет подразумевает будущую полную жатву и образование небесного Собора. Этой иконе присуща духовная динамика. Спорительница хлебов как бы переходит в Собор святителей хлебов. Не вся пшеница собрана в снопы, еще не преобразована сноповость поля, соборность неба, но это преобразование потенциально возможно. Показателен еще сказочный эпизод с баней.

«Видит царь, что ничем дурня не взять. Решил погубить его хитростью и приказал растопить баню. А баня-то чугунная. Трое суток баню топили, докрасна раскалили. Огнем-жаром от нее пышет. За пять саженей к ней не подойти. “Как буду мыться? – говорит дурень. – Сгорю заживо”. “Не печалься, – отвечает Холодило, – я с тобой пойду”. Привели дурня с Холодило в баню, заперли там, а Холодило разбросал в бане солому, и стало холодно. Инеем подернулись, в чугунах вода замерзла».

Раскаленная докрасна баня уже остывает. Холодило своей соломой только ускоряет процесс остывания и переводит в процесс противоположный, замерзания. Прямая перспектива в мгновение ока была переведена в иконную, обратную. Те, кто нагревал баню, царевы слуги, сняли наказ, приказ. Им было сказано, и они исполнили, выполнили наказ, сказку. Когда вернулись, увидели икону, ибо икона, на первый взгляд, нечто холодное, застывшее. Замерзшая баня в сказке.

«Столько-то времени прошло, отворили слуги дверь, смотрят – а дурень жив-здоров, и старичок тоже. Выговорил дурень: “Эх, в вашей бане не париться, а разве на салазках катать”».

Сказка – раскаленная баня. Прямая перспектива, доведенная до абсурда смерти. Икона сказки – холодная, замерзающая баня. Спрашивается, какая же это баня, если в ней идет снег? Но как баня настоящая, так и снег настоящий. Русскому человеку всегда духовно жарко, хотя он и живет в холодной северной стране. Прямая перспектива в эпизодах с Опивалой, Обьедалой тоже оказывается обратной.

«Прикатили сорок бочек-сороковок, стали черпать пиво ведрами, да подавать Опивале. Он как глотнет – ведро и пусто. Поднял он бочку, да опорожнил ее за раз. Поднял другую – и та пустая откатилась. Так все сорок бочек и осушил. “Нет ли, – спрашивает, – еще пива? Не волю я напился, не промочил всего горла”».

«Обьедало давай быков поедать – одного за другим. А хлебы так в рот и мечет каравай за караваем. Все возы опустели. “Давайте еще! – кричит Обьедало. – Почему так мало припасли? Я только во вкус вошел!”»

Прямая сказовая перспектива – чем больше пьешь и ешь, тем меньше хочется. Обратная иконная перспектива – тем больше пьешь и ешь, тем больше хочется. Всей водой божьего духовного мира не напьешься. Всем съестным Божьего духовного мира не наешься. Сказка не выходит за рамки себя самой, поэтому сказка в себе самой создает себе икону, в иконе выходит за рамки себя самой и вмещает в своем ограниченном поле-пространстве все мироздание, весь космос. Икона – прежде всего поле. Поле деревянной доски, над которой будет работать иконописец. Это уже открытое пространство. Иконная доска деревянная – из дерева, а дерево – из леса. Доска для иконы потенциально софийна, иконна, но еще не София, еще не икона. Еще нет в ней семени, посева. Пусто еще поле. Но вот иконописец сделал первый мазок, и лес стал превращаться в поле. Чем работа ближе к концу, тем незаметнее рамки иконы. Когда работа закончится, рамки растают как снег. В работе иконописца над иконой проявляется софийный принцип «лес – поле». Софийность деревянной доски закрепляется красками и сюжетом. Сюжет крылат не только от иконописца (его одно крыло), но и от одной преобразованной деревянной доски. Икона – уже поле, но есть и лес, вещественный, материальный, но незаметный, невидимый. Мы видим икону – поле, а доску (лес) не замечаем. Такое волшебство у иконы. Материя – доска, на которой написана икона, становится невидима, невесома. Плоть не плотская. Сказка в высшей своей сути икона. Сама же сказка служит своей сути (иконе) доской, основой. Лицевую сторону доски царапают в клетку чем-то острым, шилом или гвоздем, проклеивают жидким горящим клеем. Когда проклейка просохнет, наклеивают серпянку, побеляют доску (Флоренский). Каждая минута, мгновение – иконны. Жизнь иконна. У нее есть сюжет. Доска-основа. И обычно человек следит за сюжетом. За сутью, иконой – редко кто следит. Жизнь – видение иконной сути бытия, как личного, так и соборного. В жизни, каждый – иконописец, расписывающий свою икону. Каждый – Рублев, Дионисий, Ушаков. Они творчеством своим хотели сказать нам об этом в том числе. Летучий корабль – из досок, из бревен, из дерева, из лесного материала. Это иконная доска. В чем же иконность корабля? В его легкости. Он из тяжелого, из грузного и должен в землю вгрузнуть, а он, наоборот, тяжелый и вверх возносится. Вот вам и обратная, иконная перспектива. Доска тяжела, а икона из этой доски легка, пуха легче. Иго мое благо и бремя мое легко. Иго, бремя, доска, благо, легкость, икона. Корабль на земле, икона в своей скрытости, в своей потенции.

В определенный момент всякая вещь может перейти из своего состояния доски-основы в иконное состояние. Мы все приземлены, но в каждом есть потенция подняться над лесом. Есть предыконное положение и есть

иконное. Предыконное перерастает в иконное, предыконное положение – быть пред иконой, в стоянии неподвижного духовного горения, моления, молитвы. Моление пред иконой, моление появления в иконе, о входе в икону, прихожая как преображающее воскрешающее пространство есть предыконное пространство, есть потеря света тварного, домашнего. Выключение света в прихожей – обретение света иного, неведомого, внутрииконного пространства. Иванушка-дурачок пред кораблем, молящийся перед иконой. Иван-возлетающий, молящийся в иконе. Иван – уже не Иван-дурак. Иван – тупица, тупик, но Иван-корабль, Иван-путь, Иван-крылатый, софийный. Иван абсолютно признает свое незнание.

«Разве ты сможешь такой корабль построить? Это дело мудреное, пожалуй, не сладишь. Мудреное не мудреное, а попытаться надо: глядишь, и слажу! Вот и ты, кстати, пришел. Старые люди бывалые, сведущие. Может, и ты мне что-нибудь присоветуешь».

Но в то же время есть призвание и есть вера в другое, над ним, над всем знание. От Ивана уже идут восходящие, приподымающие его потоки. Признанием своего незнания Иван совершенно освобождает себя от тяжести плоти. Тварное знание не дает оторваться от земли, оно плоскостное, безбожное, бездуховное, тяжелое. Полевое знание – светлое, одухотворенное, восходящее, легкое, и ты сам в нем легок. Тяжелая мысль подобна гусенице, змее. Легкая мысль подобна птице, ангелу. Иван, в отличие от своих братьев, изначально легок. Встреча со старцем помогает ему обрести легкость абсолютную. Лес – плоскостной мир. Плоскость – горизонталь. Змея, червь, пресмыкание. Но плоскость-горизонталь уже предполагает переход в вертикаль, в объемность, иконность, софийность. Полозья, плоскость, загнутость кверху – в этом видится не переходность, преображение, иконность, софийность. Русские салазки – уже иллюстрация софийности бытия. Изогнутость образуется из невозможности, бессмысленности прежнего движения, в тупике, ударе об стену. Прямое острое сгибается, заворачивается, закручивается, закручинивается. Подъем начинается с образования кручины, кручи в себе. Это печаль, вызывающая возвышение. В тебе плоскостном вдруг образуется объемное, возвышенное. Это ты сам объемный, возвышенный. Быть высоко в себе значит быть в одиночестве себя, в ночи себя. На круче ты один. Нет никого, нет препятствий, нет трения. Скольжение и есть отсутствие препятствий, трения. Нет препятствий – есть скорость. Духовная жизнь тоже подобна скольжению. Ничто для духовного человека не является препятствием. Ничто не создает трения. Он уже преображен, софиен, и путь преображения преображает, превращает в софийный, его скорость все растет, все увеличивается. Спаси Господи!

Доклад 34. Картография русской идеи

Олег Юрьевич Карнеев

Выпускник философского факультета МГУ им. Ломоносова,
сотрудник Издательского Дома «Русская философия».

Я хотел бы начать свой доклад с благодарственного слова, обращенного к организаторам Философского Собора, и выразить им огромную признательность за возможность внести свой вклад в такое знаковое для философии в России событие, а именно, Собор, посвященный русской идее и поиску ее онтологических оснований.

Термин *idea*, или *эйдос*, известен нам, прежде всего, по диалогам Платона. И несмотря на то, что как таковой «теории идей» (я в этом следую за советским антиковедом и историком философии Алексеем Федоровичем Лосевым) у Платона мы не находим, эту теорию из диалогов Платона мы можем определенным образом «достать» и эксплицировать. Идея, по Платону, есть денотат общего имени. Денотат, в свою очередь, есть то, что репрезентирует или, можно сказать, представляет наши слова, тогда как слова являются неким отражением единых, нерушимых и вечных идей. В одном из диалогов, кажется в «Критоне», Платон через своего Сократа говорит, что если бы идеи представлялись чем-то множественным, то они бы не смогли удержать смысл слов и были бы подобны дырявому ведру, способному собрать и удержать в себе воду.

В подобном каноническом ключе, только уже много позже, термин «идея» понимал другой философ, публицист и общественный деятель – князь Евгений Николаевич Трубецкой, который был учеником известного русского философа Владимира Соловьева. В своей работе «Смысл жизни», которая вышла в Москве в 1918 году, Трубецкой, перед тем как перейти непосредственно к вопросу смысла жизни, решает предварительно разобрать вопрос смысла вообще. Для этого князь предлагает читателю представить в своем воображении берег реки, например Волги, и себя сидящего и смотрящего в голубую даль. И вне-